

Михаил Салтыков-Щедрин

Засоренные дороги и с квартиры на квартиру

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Засоренные дороги и с квартиры на квартиру

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3133335*

Аннотация

А. К. Шеллер (псевд. – Михайлов) – один из популярных беллетристов 60–70-х годов, посвящавший свои произведения преимущественно теме «новых людей». Салтыков внимательно следил за творческой эволюцией писателя, видя в ней яркую иллюстрацию несостоятельности утилитарной эстетики, которую отстаивал журнал «Дело». По мнению Салтыкова, противопоставляя чистую тенденциозность глубокому знанию жизни, подлинной художественности, теории и беллетристики из журнала «Дело» чрезвычайно суживают возможности литературы, обрекая ее на поверхностное, «разговорное негодование», на «махание картонным мечом», на примитивность и однообразие. Задача литературы – «анализировать и исследовать» действительность, а не отделяться «каким-нибудь общим местом».

Содержание

Примечания

17

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Засоренные дороги и с квартиры на квартиру

*ЗАСОРЕННЫЕ ДОРОГИ И С КВАРТИРЫ НА
КВАРТИРУ. Роман и рассказ соч. А. Михайлова С.-
Петербург. Издание В. Е. Генкеля. 1868 г.*

Г-н Михайлов начал свое литературное поприще в 1864 году романом «Гнилые болота». Гнилые болота – термин иносказательный: это жизнь в тех ее формах, которые завещаны нам историей, это сплетение всякого рода обрядностей, хотя и утративших живой смысл, но имеющих за собою внешнюю, грубую силу и потому безапелляционно подавляющих в человеке всякое движение в смысле самостоятельности и независимости. Нельзя, однако, не сознаться, что сравнение это было проведено автором довольно голословно и что ни содержание романа, ни положение действующих в нем лиц нимало не указывали на то, в чем, собственно, заключается сущность жизненных «гнилых болот» и в чем выражается тлетворное их влияние на судьбу людей. Участники драмы, по-видимому, живут очень спокойно, в весьма приличных квартирах, не терпят никаких ущербов, не иска-

лечиваются, не обезображиваются, и все их отличие от других людей, живущих также в приличных квартирах, заключается в том, что они совершенно добродушно трактуют о том, что жизнь есть «гнилое болото», которое может и искалечить, и обезобразить, и нанести ущерб.

Это обилие диалогов и крайняя бедность действительно-го, живого содержания сообщили роману г. Михайлова характер чего-то напускного, сочиненного с чужих слов. Самое название романа казалось несколько претенциозным и далеко не отвечающим действительному выполнению избранной автором задачи. Но так как, за всем тем, это было первое произведение молодого автора и в основании его лежала мысль несомненно честная, то оно было встречено публикой не только снисходительно, но даже с симпатией. Казалось, что тут есть начатки чего-то хорошего и серьезного, что если автор и страдает неясностью, то это происходит оттого, что, как все начинающие, он не может еще совладать с своим материалом, что он спешит поделиться с публикой *всеми* результатами своих размышлений и наблюдений, так как *все* они имеют в глазах его одинаковую важность и интерес.

С тех пор г. Михайлов написал довольно много, но все вновь написанное оказывается повторением «Гнилых болот», и, к сожалению, повторением довольно слабым. Сфера наблюдения нимало не расширилась, а тот горячий лиризм, который примирял читателя «Гнилых болот» с недостаточностью действительного содержания, утратил свою первоначальную силу.

чальную свежесть и приобрел какие-то фальшивые тоны. Напускное, измышленное негодование по-прежнему стоит на первом плане, даже темы для этого негодования намечены те же, но страстности мысли, которая по временам проглядывала в «Гнилых болотах», не осталось почти и следа. Это, впрочем, всегда случается с авторами, которые в разнообразии жизни умеют подмечать только одни, так сказать, избранные стороны. Авторы эти очень скоро исчерпывают небольшой запас своих наблюдений и, в конечном результате, если желают продолжать работать, то бывают вынуждены подражать самим себе (разительнейший пример в этом смысле представляет г. Н. В. Успенский, который уже несколько лет сряду подвизается на печальном поприще подделки под самого себя¹).

Нет ничего тяжелее, как видеть людей, страдающих незнанными страданиями и обладающих способностью во всякое время заниматься разговорным негодованием. Мало того что эти люди не могут определить свойство боли, на которую непрерывно жалуются, они едва ли даже в состоянии указать на факт, производящий в них досаду или волнение. Это своего рода махание картонным мечом, это маневры чувствительности и благородства, в которых нет ни одного движения, не свидетельствующего о натяжке и выдумке. Слышится томное, наводящее тоску голошение, но даже са-

---

¹ ...разительнейший пример в этом смысле представляет г. Н. В. Успенский. — См. об этом в ст. «Напрасные опасения»

мое привычное ухо едва ли сумеет различить в нем хоть одно внятное слово.

Мир – гнилое болото; жизнь – засоренная дорога! – вопиют эти люди на все лады, и притом так самоуверенно, как будто и действительно это унылое голошение нечто определяет, как будто и впрямь они понимают и достоверно указать могут, где находятся эти гнилые болота и в чем заключается суть засоренных дорог.

Нет никакого сомнения, что в том строе жизни, который представляется нашим глазам, насорено очень достаточно; но для того чтобы иметь право негодовать на этот сор, необходимо, по малой мере, уметь назвать его по имени. Человек на каждом шагу чувствует себя связанным и опутанным по рукам и по ногам – это так; но он опутан совсем не тем, что миру присвоено остроумное название гнилого болота, а тем, что в этом гнилом болоте настроено великое множество всяких капищ, с которыми нельзя разминуться и которые действительно наносят человеческой свободе немалый ущерб. Эти капища так явны и до такой степени у всех на виду, что даже не требуется особенно изнурительных умственных затрат, чтобы заприметить их. Тут необходимо только отнестись к делу просто и не зажмуривать преднамеренно глаза.

Но эта простота не по нутру очень многим. Охотники до легкого труда справедливо рассуждают, что несравненно покойнее покончить с известным рядом явлений, отделавшись от него каким-нибудь общим местом, нежели анализировать

и исследовать его. Как ни грубы явления, опутывающие человека в данный исторический момент, но для того, чтобы каждому из них указать свое место, все-таки необходимо употребить известную сумму труда. Но, кроме нежелания труда, тут не обходится и без хитрости. Известно, что человек, который ведет счет с жизнью и не запирается от нее, более подвергается всякого рода рискам, нежели какой-нибудь высокодобродетельный дармоед, который придумает меткое словцо да и скроется в свою раковину. Анализировать капища вещь не столько трудная, сколько опасная. С одной стороны, в них накоплено множество нечистот, которые прилипают; с другой стороны, и сзади, и с боков всегда лежит такой запас всякого хлама, что исследователь нередко останавливается в недоумении, отвергнуть ли капище безусловно или только уяснить себе его значение в ряду других капищ. А так как, сверх того, прикосновение к живому материалу и само по себе уже имеет свойство смягчать слишком суровые взгляды на жизнь, — то нужно действовать очень осторожно и иметь очень твердую опору в самом себе, чтобы не запутаться и не попасть, незаметным образом, в общую засоренную колею. Ни одной из этих случайностей высокодобродетельный дармоед не подвергается, да и подвергаться не хочет. Как истинный дворянин-белоручка, он упорно отвращается от черной работы и ревниво блюдет, чтобы на одежде его не показалось какое-нибудь пятнышко и чтобы право на беспрепятственное производство нетрудного негодовательного

ремесла было обеспечено за ним на неопределенное время.

Таких заносчиво-гадливых дармоедов шатается по белу свету великое множество. В оправдание своей гадливости они говорят обыкновенно, что слишком близкое общение с жизнью может подвинуть на сделки с нею, сделки же, в свою очередь, могут подорвать чистоту мысли, чистоту убеждения. В этом объяснении, как мы уже видели, конечно, есть известная доля правды, но рядом с этою правдою невольно рождается много вопросов, которые в значительной степени видоизменяют ее. Во-первых, если и действительно нами сознается, что жизненные дороги засорены, то ужели этого сомнения <сознания?> достаточно, чтобы удовлетвориться им и затем уже смотреть на сор, как на что-то фаталистически присущее жизни и осужденное загромождать ее бессрочно? Во-вторых, ежели мы в общении с жизнью видим нечто несовместное с чистотою наших убеждений, то какими же глазами мы взглянем на эту честную, бодрую, трудящуюся толпу, для которой подобное общение есть неизбежное условие всей жизни и которая только при его посредстве может обеспечить себе скудный кусок хлеба? Ужели мы назовем этих тружеников людьми бесчестными или слабохарактерными? Ужели мы скажем им: сгибайся, бедствуй и умирай, но счетов с жизнью иметь не моги! В-третьих, наконец, ежели мысль наша и подлинно пришла к убеждению в негодности известных форм жизни, то для того ли только она убедилась, чтобы приобрести право на бессильные жалобы?

Такого-то рода суесловных героев, томящихся скукою праздности и вечно собирающихся что-то накуролесить, но только не знающих, на что именно им обрушиться, изображает г. Михайлов в своих произведениях. Нет никакого сомнения, что тип этот не лишен ни оригинальности, ни современной жизненной правды, но, к сожалению, г. Михайлов относится к нему без малейшего признака объективности. По-видимому, он даже искренно сочувствует своим героям и признает их в этом качестве без всяких оговорок; и хотя каждого из этих крошечных злопыхателей приличнее представить себе в образе халатника, раскладывающего гранпаянс, но автор очень серьезно заставляет их выходить с железом в руке и с бессилием в сердце и повторять вместе с поэтом:

Я в мире боец!
Я за правду *ору!*

Понятно, что эффект выходит поразительный, но едва ли не в обратном смысле...

Содержание романа «Засоренные дороги» так немногосложно, что его почти нельзя передать. Нельзя также сказать, чтобы роман был очень длинен, но странное явление иногда происходит в беллетристике: вещи очень длинные кажутся короткими, вещи несомненно короткие кажутся такими длинными, что читатель едва осиливает их до конца. Все

это, конечно, зависит от того, в какой мере сознал или не сознал автор предстоящую ему задачу. Весьма неприятно нам сознаться, что впечатление, произведенное на нас «Засоренными дорогами», было именно впечатление последнего рода.

Действие открывается сборищем молодых людей, только что кончивших курс в университете. Каждый говорит о своих намерениях и надеждах, и говорит очень смутно и неопределенно. Это еще, конечно, небольшая беда: мечтательность и неопределенность стремлений не только свойственны юношескому возрасту, но даже сообщают ему известный симпатичный колорит; беда не в этом, а в том, что разговоры юных героев г. Михайлова до очевидности заражены пресным старческим доктринерством. Эти юноши не что иное, как несозревшие старички, в словах и действиях которых обнаруживается преждевременное бессилие, нагота которого не прикрывается даже избыточным напускным пылом.

Они как будто во всем уже убедились и разделили мир перегородкой на две половины, из которых в одной стоят они, благонравные, умудрившиеся мальчишки, и неукоснительно излагают только избраннейшие места из одобренных хрестоматий, а в другой – подлецы, тупоумные шалопаи и дармоеды, излагающие избраннейшие места из сочинений Баркова. Хорошо еще, что вторая половина мира всегда представляется в романах г. Михайлова отсутствующею, а то ведь

очень может быть, что, поговоривши между собой, обе стороны равно убедили бы друг друга в несомненном своем дармодстве. Слышатся остроумные выходки против *беложилетников*; высказывается мнение, что нет никакой привлекательности «в золоте и батисте щеголя, отнявшего этими украшениями законную долю у нищего». Все это говорится так, без всякого повода, все это выбрасывается из уст на распутие и оставляется там гнить, никем не подобранное. «Что же, виноват я, что ли, – говорит один из этих неоперившихся перестарков, – что у меня желчь к горлу подступает (не слишком ли громко, милый молодой человек?), что я не могу балагурить и смотреть на жизнь шутя? Жизнь не шутка! Не шутка и то, что человек вперед знает, что он идет на гибель (?), на прозябание в каком-нибудь вороньем гнезде (?), где нет ни общественной жизни, ни порядочных людей, ни книг, где у него не будет даже средств выписать на свои деньги нужные книги, а кругом будут пьянствовать, кутить втянувшиеся в этот омут субъекты, будут давить новичка, чтобы он не был лучше их, чтоб он пошел по их торной дорожке...»

Видите, этот юный птенец еще от земли не вырос, а уже чувствует, что у него подступает желчь (куда?); он никаких не изведал страданий, кроме тошноты, причиняемой безмерным курением табака, а уже громит во все лопатки, уже предсказывает себе, прекрасному молодому человеку, гибель... Да, все это так; все это хотя и книжно, но при известных условиях и в данном возрасте книжность не только

простительна, но даже прилична и привлекательна. Это, так сказать, книжность естественная, вполне согласная со всею обстановкою жизни. Но г. Михайлов ухитрился этой книжности придать еще особенный книжный характер, и вышла у него книжность натянутая, ни при каких условиях жизни не допускаемая. И произошло это оттого, что автор сам видит в этой книжности нечто нормальное и весьма премудрое, а героев своих считает не зачатками героев, но героями настоящими и заправскими.

Показавши, с какими людьми мы должны иметь дело, автор переносит место действия в провинцию, в дом помещика Пашенко, куда приезжает брат его, один из кончивших курс студентов. Описание помещичьего быта очень любопытно. С тех пор как И. С. Тургенев подарил нас мастерскими картинами «дворянских гнезд», описывать эти гнезда «по Тургеневу» почти ничего не стоит. Прежде всего, нужно изобразить страдающего одышкой помещика, слегка пришибленную и бросающуюся из угла в угол хозяйку-помещицу и подле них молодое, страстное существо, задыхающееся в тесноте житейских дрязг. Затем, варенье, варенье, варенье, сливки, сливки, сливки, ночью же припустить соловья. Такими чертами описана жизнь помещика Константина Ивановича Пашенко, его жены Алены Дмитриевны и сестры Кати, у которых поселяется «в мире боец» Иван Иваныч Пашенко. Само собой разумеется, что «в мире боец» сейчас же начинает задыхаться, а чтоб не задохнуться окончательно, прини-

мается за реформы по части меньшей братии. Эта меньшая братия – просто клад, и ежели бы ее не было, то, право, не знаем, что делали бы наши проказливые «в мире бойцы». Но ежели справедлива пословица, гласящая, что «в мужицком брюхе долото сгниет», то не мешало бы подобную же пословицу сложить и насчет мужицкой спины. К ней всякий подходит свободно и всякий кладет на нее какую угодно реформу, как будто это не живая спина, а простой, покрытый сермягою стол. С такую же развязностью подходит к этой спине и «в мире боец» Иван Иванов Пашенко, подходит без надобности, без убеждения, просто с одним ребяческим любопытством: попробую! Происходят трагикомические сцены, в которых слышится сквозь видимые миру слезы не менее видимый смех.² Мужики, разумеется, ничего не понимают; им дарят лес (лес – это слабая струна, это couleur locale никогда не бывавших в деревне авторов), а они, вместо того чтобы употребить его на дело, пропивают; мало того, некоторые из них до того извольничались, что стали даже просить, чтоб их выпороли. Все это приводит реформатора в великое смущение. «Бывали дни, – говорит автор, – или, лучше сказать, ночи, когда он сотни сотен раз ходил взад и вперед по своей комнате, волновался, сжимал руками пылающую голову, па-

---

² ...слышится сквозь видимые миру слезы не менее видимый смех. – Перефразированная цитата из «Мертвых душ» Гоголя: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!» (т. 1, гл. VII).

дал духом, решался отдать крестьянам зараз все и оставить их на произвол судьбы...» И ведь ни разу во время этих сотен сотен раз не пришло на мысль этому безмозглому с пылающей головой «в мире бойцу», что все это он выдумал и что на порку не только мужик, но даже лошадь никогда добровольно согласия не изъявит.

Дни проходят за днями, и куда Иван Иванович Пашенко сжимает пылающую голову, к Катеньке подъезжает чиновник Благово и женится на ней. Этот Благово стоит по другую сторону перегородки, и потому *он* шалопай, дармоед и подлец. То есть, коли хотите, он совсем не шалопай, не дармоед и не подлец, а просто лицо без всяких качеств, но автор так настойчив в этом отношении, что не верить ему нельзя. Действие переносится в Петербург, куда вслед за Благовыми переезжает и «в мире боец» Пашенко, у которого в Петербурге есть невеста, хорошая девушка, не чуждая вопросу о женском труде и потому стоящая по сю сторону перегородки. Благово намекает Кате, что она не дурно сделает, если подаст некоторые надежды его начальнику, графу Баумгрилле; это, разумеется, ее возмущает, и она убегает в семью брата. Там встречает она некоего Крючникова, другого «в мире бойца», который оказывается еще тупее Пашенко и ничего не ест и не пьет. Напрасно Катенька признается ему в любви, напрасно просит спасти ее – этот мрачный идиот, этот непоколебимый поборник либерального онанизма остается глух и непреклонен. Из-за чего? – а вот из-за чего: «из бо-

язни, что неостанет куска хлеба, что этот кусок придется воровать у других людей, неповинных в том, что я вздумал потешить себя любовью, пороскошничать!»! Можно ли быть менее вежливым и в то же время менее сообразительным!

Кончается тем, что Катенька уезжает в деревню, а Крючников вдогонку, как бы нечто восчувствовав, пишет к ней письмо.

Вот и все. Мы неприхотливы и не избалованы богатством внешнего содержания в наших повестях и романах – да и бог с ним, с этим богатством внешнего содержания! Но самая простая азбука беллетристики требует, чтобы повествователь, по малой мере, объяснял внутренние побуждения, руководящие его героями. У г. Михайлова лица слоняются из угла в угол без всяких побуждений, даже без всякого внешнего повода: это просто пружинные куклы.

Мы знаем, что нам могут указать на благонамеренность автора, как на смягчающее обстоятельство. Мы нимало не сомневаемся в этой благонамеренности и даже уважаем ее, но не можем же смешивать это отличное качество с талантливостью, особенно после довольно многочисленных попыток, доказывающих, что благонамеренность растет, а талант умалается.

Примечания

ОЗ, 1868, № 9, отд. «Новые книги», стр. 46–52 (вып. в свет – 7 сентября). Без подписи. Авторство указано В. В. Гиппиусом – *Z. f. sl. Ph.*, S. 184; подтверждено на основании анализа текста С. С. Борщевским – *Неизвестные страницы*, стр. 539, 541–543.

А. К. Шеллер (псевд. – Михайлов) – один из популярных беллетристов 60–70-х годов, посвящавший свои произведения преимущественно теме «новых людей». Известность принес Шеллеру его первый роман «Гнилые болота», опубликованный в «Современнике» (1864, №№ 2, 3) Вскоре в «Современнике» же появился новый роман Шеллера – «Жизнь Шупова, его родных и знакомых». Оба произведения имеют автобиографический характер. В первом романе изображается формирование характера молодого разночинца, честного труженика в борьбе с губительным влиянием окружающей среды («гнилых болот»). Салтыков считал «Гнилые болота» наиболее содержательным и правдивым произведением писателя, однако уже здесь в зародыше был выражен тот эстетический кодекс, с которым резко полемизирует критик «Отечественных записок»: «Нам ли, труженикам-мещанам, – заявлял Шеллер, – писать художественные произведения, холодно задуманные, расчетливо-эффектные и с безмятежно-ровным полированным слогом? Мы урывка-

ми, в свободные минуты, записываем пережитое и перечувствованное, и радуемся, если удастся иногда высказать накопившееся горе и те ясные, непризрачные надежды, которые поддерживают в нас силу в трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою скажется меткое слово, нарисуются ловкая картина и вырвется из-под сердца огонь поэзии; но если и их не найдется, то горевать нечего – обойдется и так...»

В 1865 г. Шеллер был приглашен в «Русское слово» редактором иностранного отдела. Ту же должность занимал он со следующего, 1866 г. и в журнале «Дело». Будучи близок к направлению этих журналов, Шеллер сделался их активным автором. Один за другим появляются его романы и повести: «Господа Обносковы» (1868), «В разброд» (1869), «Лес рубят – щепки летят» (1871), «Старые гнезда» (1875), «Хлеба и зрелищ» (1876), «Беспечальное житье» (1877) и др. Одновременно Шеллер печатался в «Неделе», «Женском вестнике», а с 1877 г. в течение двадцати трех лет был редактором «Живописного обозрения».

Перу Шеллера принадлежат также социологические и политические статьи. «Очерки из истории рабочего сословия во Франции» (1868), «Жилища рабочих» (1870), «Производительные ассоциации» (1871) и др.

Салтыков, как об этом свидетельствуют три рецензии на романы Шеллера разных лет, помещенные в наст. томе, внимательно следил за творческой эволюцией писателя, видя в

ней яркую иллюстрацию несостоятельности утилитарной эстетики, которую отстаивал журнал «Дело». Критические отклики Салтыкова на романы Шеллера (Михайлова) были частью общей полемики «Отечественных записок» с «Делом» по вопросам эстетики. По мнению Салтыкова, противопоставляя чистую тенденциозность глубокому знанию жизни, подлинной художественности, теории и беллетристики из журнала «Дело» чрезвычайно суживают возможности литературы, обрекая ее на поверхностное, «разговорное негодование», на «махание картонным мечом», на примитивность и однообразие. Задача литературы – «анализировать и исследовать» действительность, а не отделяться «каким-нибудь общим местом». Иронически называя благие намерения беллетриста «благонамеренностью», Салтыков утверждает, что это качество не может вызывать сочувствия в то время, когда «благонамеренность растет, а талант умалется». Критик намекает на опасность для автора таких сочинений, где характеристики различных «капищ», стесняющих свободу человека, подменяются высокодобродетельными рассуждениями и где суесловные доктринеры заслоняют «трудящуюся толпу». Салтыков указывает на возможность для самого автора попасть в «засоренную колею» (характерный щедринский прием сатирического «опрокидывания» символики названий критикуемых им произведений. То же – в рецензиях на романы «В разброд» и «Беспечальное житье»). В последующих рецензиях на романы Михайлова

Салтыков значительно расширил проблематику своего спора с эстетическими принципами журнала «Дело».